

Современный российский ГУЛАГ (произвол в пенитенциарной системе)

*Лев Пономарёв,
исполнительный директор
Общероссийского общественного движения «За права человека»*

Вступление

Через шесть десятилетий после принятия Всеобщей декларации прав человека, через 16 лет после того, как Декларация «О государственном суверенитете РСФСР» впервые в отечественной истории гарантировала нашим согражданам права и свободы, предусмотренные общепризнанными нормами международного права, в том числе ст. 3 Европейской Конвенции, граждане Российской Федерации и находящиеся на её территории иностранцы всё также рискуют стать жертвой пыток и издевательств, как подданные тоталитарных государств Гитлера или Сталина.

При этом ситуация с пытками и избиениями всё время ухудшается, приобретает новое качество. Дело дошло до того, что в июле прошлого года было создано **Движение борьбы с пытками, зачистками и фильтрациями «Россия избитая»**. Его учредили представители инициативных групп из тех мест, где прошли милицейские зачистки, «фильтрации», массовые избиения и другие виды коллективных наказаний. Необходимо отметить, что распространение пыток и массовых избиений в России происходит в прямой взаимосвязи с вооруженными действиями, зачистками и пыточной практикой в «фильтрационных пунктах» на Северном Кавказе, в том числе и потому, что десятки тысяч сотрудников МВД получили в Чечне «богатый карательный опыт».

Очевидна и связь между пыточной эпидемией в России и той латентной легализацией пыток и интернирований, которая произошла, начиная с октября 2001 года, в рамках так называемой «борьбы с международным терроризмом». Такая «борьба с терроризмом» чрезвычайно подняла планку допустимого для западных спецслужб, которые в своей бесконтрольности скатились до уровня разгара холодной войны, а российские власти всю используют попустительством со стороны правительств стран Запада.

В России пытки (иные виды издевательств и унижений, а также угрозу их применения в дальнейшем мы будем именовать их общим родовым понятием ПЫТКА) получили наибольшее распространение в трех областях.

1. Пытки на стадии предварительного дознания в правоохранительных органах, где их применением обеспечивается значительная часть «первичных» признательных показаний, на которых потом строится приговор. Необходимо отметить, что надежды жертв пыточного следствия на то, что им удастся отказаться от вырванных пыткой показаний на суде очень часто оказываются иллюзорными. Как и во времена ежовщины, пытка обеспечивает торжество «царицы доказательств» - признания вины. К сожалению и позору, пыточное следствие, широчайшее распространение которого, по сути, стало общеизвестным фактом в российском обществе, принято как неизбежное зло.

2. Пытки как элемент коллективного наказания, элемент политики репрессий и терроризирования населения конкретной местности. Наиболее выразительными примерами такого пыточного обращения являются зачистки и карательные действия на Северном Кавказе, в первую очередь, в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии (жесточайшие гонения на верующих мусульман), а также «избиения городов» - события: в Элисте, Республика Калмыкия (октябрь 2004г.), Благовещенске, Республика Башкортостан (декабрь 2004 г.), Бежецке и Рождествено, Тверская область (март 2005 г.)... Как известно, правовым основанием для таких карательных действий служит незаконно засекреченный Приказ Министерства внутренних дел России № 870-ДСП от 10 сентября 2002 г., и Приложение №1 к этому приказу. Этот антиконституционный приказ был издан ещё в то время, когда МВД РФ возглавлял Борис Грызлов, но практика широкого применения карательных действий за пределами Чечни началась при нынешнем министре – Рашиде Нургалиеве. Необходимо отметить, что широкое применение милицией пыток спровоцировало появление симптомов полноценного вооруженного гражданского конфликта. В Дагестане – это такое явление как антимилицейский индивидуальный террор, а в Кабардино-Балкарии - восстание 13 октября 2005 года в Нальчике.

3. Пытки в «закрытых» учреждениях (армия и места заключения), где они служат для обеспечения полной покорности и обезличивания. Ситуация в армии в некоторой степени освещается в СМИ, но материалы о расправах в местах лишения свободы, о превращении Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН РФ) в систему концлагерного типа почти недоступны общественности. Однако собранные правозащитниками доказательства однозначно свидетельствуют, что за время нескольких последних лет, под руководством генерал-полковника внутренней службы Юрия Калинина, ФСИН превратился в новое издание ГУЛАГа. Карательная политика в местах заключения спровоцировала несколько масштабных ненасильственных акций протеста, самой значительной из которых стали события в Льгове, Курской области в конце июня 2005 года. Причём, тот факт, что волна протестных выступлений

заключенных (в том числе, сопровождающихся массовым членовредительством) вызвана грубым нарушением прав человека именно со стороны тюремных властей, официально заявили и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Владимир Лукин и Юрий Чайка, в качестве федерального министра юстиции.

Именно поэтому основное внимание в данном докладе будет уделено ситуации в тюремно-лагерной системе.

Отдельно необходимо отметить проблему отбытия заключения политическими заключенными. Российские правозащитники констатировали, что в течение последних нескольких лет в стране появились десятки людей, осужденных по политическим мотивам: основную их часть составляют следующие категории: жертвы шпиономании; активисты НБП; лица, необоснованно обвиняемые в исламском экстремизме; чеченцы и фигуранты дела «ЮКОС».

Если рассматривать проблему политических преследований в аспекте НОВОГО ГУЛАГа, то и здесь можно отметить ухудшение относительно брежневских лет. Политзаключенные не содержатся в отдельных лагерях, а, как формально признанные уголовниками, разбросаны по стране, как правило, за тысячи километров от дома и таким образом, чтобы максимально осложнить свидания. Для давления на политических заключенных используют именно администрацию колонии, а та, в свою очередь, натравливает уголовников. Из самых известных примеров: целая серия незаконных наказаний, наложенных на Михаила Ходорковского, провокация против него, когда напавший и ранивший его в лицо, заключенный, был даже не признан совершившим преступление (!), серия провокаций и незаконных взысканий в отношении Михаила Трепашкина, лишение его необходимой медицинской помощи.

Говоря о проблеме политзаключенных, нельзя пройти мимо новой законодательной инициативы о расширении понятия экстремизм (например, публичные выступления, допускающие или вызвавшие экстремизм, акции гражданского неповиновения). Понятие «экстремизм» в результате оказалось близко к такому определению «подрывной антисоветской деятельности», которое было введено в сталинское законодательство. Это создаёт условие для быстрого роста числа политзаключённых в недалёком будущем.

1. АРХИПЕЛАГ ФСИН

Материалы, имеющиеся у правозащитников, указывают на то, что в последние годы произошли принципиальные изменения в системе ФСИН РФ – она полностью вышла из-под общественного и административного контроля. Практически все ранее существовавшие возможности для визитирования со стороны правозащитников, экспертов Уполномоченного по правам человека и даже депутатов – закрылись. Пускают, как правило, в беспроблемные учреждения и по проверенным маршрутам: библиотека-столовая. Оперативный допуск был закрыт даже для работников Минюста! Как нам стало известно, Юрий Калинин отправил в учреждения ФСИН закрытое распоряжение о запрете допускать в колонии прессу.

В результате в бесконтрольной системе ФСИН стала отрабатываться технология контроля над заключенными, имеющего аналоги только в тоталитарных системах. Прежде всего, это создание целых «пресс-зон» - мест заключения, где для получения признаний (и самооговоров), а также для «коррекции поведения» (психологического слома) применяются пытки. Ещё одной тоталитарной новацией стало превращение так называемых «секций дисциплина и порядок» (СДП) в отряды заключенных-тюремщиков, часто выполняющих функции «капо» в нацистских концлагерях). Эти отряды СДП получают функции оперативного контроля над заключенными, но, в отличие от официальных охранников, их деятельность не регламентирована законом, поэтому они способны на безнаказанный «беспредел».

Но такой тоталитарный режим в уголовно-исполнительных учреждениях вовсе не препятствует, например, разгулу коррупции. Так поступают сообщения о многочисленных случаях смерти заключенных в учреждениях Ленинградской области от передозировки наркотиков!

Существенным элементом «Нового ГУЛАГа» стал «коллорабационизм» между криминальными авторитетами и администрацией - с целью подавления протестов против грубого нарушения прав заключенных (характерным примером этого служат события после протестов во Льгове июне-июле 2005 г.). Таким образом, руководству ФСИН удалось создать изощренную систему пыточного контроля над заключенными, включающую и тюремщиков, и заключенных-*красноповязочников*, и «воров в законе».

Необходимо обратить особое внимание на то, что даже одной угрозы отправки подозреваемого в изолятор, имеющий репутацию «пресс-зоны», достаточно, чтобы он подписывал нужные следователю показания. Так, например, обстоит дело с печально известными ИК-1 (пос. Ягул, Завьяловского района, Республика Удмуртия), ИК-2 (Екатеринбург) и ИК-3 (Льгов, Курской области), где избиения вызвали выступление сотен заключенных в ночь на 27 июня 2005 г. На самом деле, список таких зон достаточно обширен. По неполным данным, такие учреждения сосредоточены в двух десятках регионах (сейчас уточняются данные по порядка 40 таких «пресс-зонам»).

Кроме того, имеются обращения об отвратительном питании и отсутствии необходимо лечения заключенных больных туберкулезом, гепатитом и ВИЧ-инфицированных, о совместном содержании больных и здоровых.

Очень важно отметить, что при наличии доброй воли со стороны администрации, пребывание в колонии может быть вполне терпимым, порядок – поддерживаться без пыток и концлагерных приемов, осужденные – могут работать и нормально зарабатывать, в подавляющем большинстве регионах «пресс-зона» нет. Поэтому *пыточную эпидемию* вполне можно остановить и восстановить нормальную ситуацию в местах лишения свободы.

Из полученных от заключенных и их родственников писем и заявлений вырисовывается следующая методика расправ в *пресс-зонах*. От вновь прибывших требуют записываться в секцию «дисциплины и порядка» (СДП). В случае отказа, жизнь заключенных превращается в ад: на них обрушиваются избиения и издевательства, вплоть до изнасилований и убийств, со стороны красноповязочных «капо», избиения и незаконные преследования от администрации

Очень важной проблемой является многомесячное содержание заключенных в различного рода "внутренних тюрьмах", где режим серьезно отличается от режима отбывания наказания, определенного судом в приговоре. По сути, во внесудебном порядке на осужденного накладывают новое наказание. В первую очередь, необходимо отметить созданные в 1997 году Указом Президента Ельцина ПФРСИ (подразделения, функционирующее в режиме следственного изолятора) – в которых подследственные - еще не признанные виновными! - уже находятся на территориях колоний. Самым ужасным примером внесудебного ужесточения являются – решением администрации колонии - бесконечные помещения в ШИЗО (штрафные изоляторы - до 15 суток, но можно повторять до бесконечности), в ПКТ (помещение камерного типа – до полугода), единое помещение камерного типа (ЕПКТ – до 12 месяцев без следствия и суда) и в барак, где «специальные условия содержания» (СУС – неограниченно, до 2-3 лет). В таких бессудных «внутренних тюрьмах» заключенные лишены или серьезно ограничены в переписке, доступе к правовой литературе, посылках и свиданиях.

Доходит до того, что в тех случаях, когда родственникам всё же удастся даже вызвать к заключенным, сообщившим о пытках и избиениях, адвокатов или представителей общественных организаций, лично не знающих жертв, то им «подсовывают» активиста, торжественно заявляющего, что он, дескать, никаких жалоб не имеет и защитников видеть не желает. Так, например, произошло при посещении после событий в мордовских лагерях (на месте сталинского Дубровлага), где в марте 2006 г. были избиты десятки заключенных. К моменту прибытия адвоката и представителя аппарата Уполномоченного по правам человека РФ жертвы избиений были спрятаны в «зندان» - в яме под магазином, замаскированы досками. Затем этих заключенных спешно развезли по уделённым регионам.

Ещё одним примером «пресс-зоны» является зловещая исправительная колония (ИК-1) в пос. Ягул (Завьяловский район Удмуртской республики). В мае этого года правозащитники получили сообщения о бесчеловечных и изощренных издевательствах со стороны тюремщиков: избиения, многомесячное содержание в ШИЗО, обливание зимой из брандспойта. Заключенных опускали головой в унитаз, заставляли лизать пол... В результате – люди глотают проволоку и гвозди, чтобы вырваться из этого застенка.

Вот последний пример расправы. 19 июня 2006 г. от адвокатов Т.Г.Ахмедовой и Е.Л.Липцер поступили сведения о необычайно жестоком и абсолютно неспровоцированном избиении спецназом арестованных в Нижнеангарском ИВС Северобайкальского р-на (Республика Бурятия). Пострадали: Алексеенко Дмитрий Анатольевич, Доронин Валерий Владимирович, Жилин Андрей Александрович, Кинзерский Роман Валерьевич, Мустафин Павел Дмитриевич, Муштенкенов Саят Муратович, Смирнов Дмитрий Сергеевич, Шестков Руслан Святославович. Сейчас проводится медицинское освидетельствование пострадавших. Все избитые обвиняются по ч. 4, п. "а" ст. 162 УК РФ (разбой). Дело слушается в Северобайкальском городском суде Республики Бурятия, судья Муратова М.Ю. Избиение произошло после возвращения подсудимых из суда, где был объявлен перерыв.

Еще одним способом давления на заключенных руками заключенных является такая практика, как фактическое превращение колоний-поселений в общую зону путем использования заключенных, совершивших тяжкие преступления, и переведённых в колонию-поселение «за хорошее поведение». Естественно, что, используя улучшение своего положения и надеясь на УДО, такие заключенные становятся послушными орудиями для давления и расправ над теми, кто не совершил серьезного преступления, но стал объектом преследований со стороны администрации. Это превращает в фикцию идею создания колоний-поселений как учреждения отделенного от тех, в которых находятся осужденные с куда более серьезными статьями.

Такая технология преследований вскрылась, когда правозащитники изучили ситуацию в ИК-13 г. Нижний Тагил, где находится политзаключенный – адвокат Михаил Трепашкин. Эта колония-поселение создана внутри территории колонии общего режима, т.е. находящиеся в ней оказываются – вопреки решению суда, определившего им наказание - полностью лишены свободы.

Ситуация в колонии ИК-13 (но уже Калининградской области) даёт понятие об ещё одном аспекте пыточного обращения. По свидетельству заключенных и их родственников, на этом «острове» Нового Архипелага ГУЛАГ, цитируем «качество оказания медицинской помощи таково, что составляет реальную УГРОЗУ жизни: тотальное отсутствие медикаментов, отказ в госпитализации в стационарные учреждения, невозможность проведения медицинских освидетельствований и отсутствие врачей-специалистов, дает право отказывать в приеме медицинских препаратов от родственников, ссылаясь на отсутствие «рецепта от врача». Годами заключенные не могут пройти медико-социальную экспертизу (МСЭ) для оформления группы инвалидности. Огромное количество заражений туберкулезом, гепатитами и ВИЧ-инфекцией ранее здоровых заключенных».

В качестве примера целого комплекса пыточных технологий, приведём почти полностью последнее письмо заключенного Виталия Князева, участника льговских событий, пришедшее в Движение «За права человека» из Комсомольска-на Амуре. Князев был единственным заключенным, который обратился в Европейский суд по правам человека и, несмотря на зверские пытки (жгли электрокипятильником!), угрозы и давление со стороны криминальных авторитетов (в т.ч. со стороны некоего «Луки» и других), жалобу свою не отозвал. Другой заключенный – Алексей Шатунов, единственный признанный пострадавшим от действий руководства колонии, жалобу в Страсбург отозвал.

Текст письма (по «Газете региональных правозащитных организаций «За права человека» №3 (48) июнь 2006 г.: «... Все это время со мной пытались «договориться» оперативники Курской и Брянской области под предводительством подполковника УФСИН Брянской области Половнева В.С., которые и морально и физически «договаривались» со мной, исчерпав словарный запас, перешли к избиениям и пыткам. Это они больше всех рассказывали о судимостях правозащитников, и, избивая меня, говорили – *«...будет тебе скоро и Пантелеев и Пономарев...»*

Александрович и Рябченко (последний под руководством первого) достали из барсетки малявки (*нелегальные записки*), адресованные льговским осужденным – каждому лично и отдельно (как квитанции на сапоги) написанные «Лукой» – смотрящим за г. Курском. Цитировать текст дословно не буду, начиналось нагло: «С адвокатами СТОП!» и дальнейшая чистой воды инструкция, как отказываться от уголовного дела, чтобы не пострадали сотрудники УФСИН Курской области, которые ежедневно избивали и травили на меня собак, которые ежегодно ломали жизни сотням и тысячам осужденным которых привозили в колонию ОХ–30/3 г. Льгова. Я сказал, что неуверен в почерке Луки, и напомнил свое первоначальное требование (*о привлечении к уголовной ответственности издевавшихся над ним сотрудников колонии – Ред.*). Тогда мне сразу набрали номер на мобильном телефоне, как будто дожидались моего предложения.

Из телефонного разговора я понял, что общаюсь с Марченко и Шатуновым, которые находятся в СИЗО г. Орел и, по всей видимости, находятся так же, как и я в каком-нибудь кабинете, с кем существует договоренность у Александровича и Рябченко. От Марченко и Шатунова я узнал, что им таким же образом (кабинетным) звонил «Лука», сообщил, что надо отказаться от каких-либо претензий к своим мучителям, закончив словами: *«Так надо!»*, при этом, забыв упомянуть – КОМУ надо?

Но мне уже не один день было известно, кому было «так надо», тем, кто руководил пытками и избиениями с целью заставить отказаться от всех претензий.

После телефонного разговора мне сказали: «Ну, ты что, Князь, до сих пор не понял – кто не с нами, тот у нас!». Решив уточнить число тех, кто «не с ними» и тех «кто у них», я сказал, что мне безразлично то, что им удалось запугать, либо повлиять с чьей-то помощью на некоторых несостоявшихся простофиль. Тут же, опять под руководством Александровича, Рябченко дал мне включенный телефон. На этот раз говорил Лука из СИЗО г. Курска (из кабинета), пытаясь убедить меня в том, что Рябченко и Александрович и еще пол УИНа действуют в его интересах, и нужно от всего отказаться. На что я скромно поинтересовался – *«А кипятильником меня жгли и били тоже в твоих интересах?»* и сообщил, что не уверен в том, что разговариваю с ним, так же как и в том, что они действуют в его интересах, и отключил телефон.

После чего, видимо опять в интересах того, кому «так надо», меня опять стали избивать и мучить различными способами с целью принудить отказаться от участия в уголовном деле № 1519 и от жалобы в Европейский Суд.

Считаю необходимым дополнить, что параллельно делу № 1519 велось дело № 1533. Первое на сотрудников, второе на деревенских дурачков, которых УИН сделало крайними за дезорганизацию, которой в природе не было, видимо, так тоже «надо»!

Дня три мне еще стучались в голову, пытались проникнуть в сознание, поняв, что это не принесет никаких результатов, пустили в ход тех, кто «у нас».

Руки у меня были в наручниках, с меня сняли очки, положили на стол и огромным англо-русским словарем несколько раз ударили по голове, затем сказали встать и посмотреть в окно, там, на свободе, стояли двое молодых людей. Действия происходили в кабинете начальника СИЗО г. Брянска, который был в отпуске.

Александрович распорядился, чтобы их (*блатных авторитетов – Ред.*) завели. Дальнейшее руководство над событиями взял на себя Рябченко. По всему видно было, что это заранее было оговорено.

В кабинет вошли Вадик «Емеля» Курский и «Петруха» Брянский, и начали говорить все то, что я уже неоднократно слышал от своих мучителей, что необходимо отказаться от всего.

До этого мне об этом говорили по телефону различные лица по установке Рябченко и Александровича. Кем они мне только не представлялись. По всему стало ясно, что были задействованы все в пределах Курской области и прилегающей Брянской, но уровень был слабоват, недооценивают. Но дабы не лишать ребят награды «за заслуги перед родиной» и с целью добиться паузы в мучениях (ежедневно с утра до вечера я подвергался мучениям), я написал Сергею Александровичу из главка и Рябченко, что по делу никаких претензий не имею, так как не нахожу виновных по данному обвинению, и прошу исключить какое-либо мое участие в уголовном деле № 1533. Написал, что заявление исправлений и помарок не имеет. Они на радостях схватили бумагу, не глянув на номер уголовного дела, и Сергей Александрович радостно сообщил по телефону в Москву, что нормально, а затем все мытарства опять начались. Оперативнику УФСИН Брянской области В.С. Половневу прислали ксерокопию моего заявления, и тот сказал, что я ошибочно написал не тот номер уголовного дела, № 1533 – это дезорганизация, а нам надо отказ по делу № 1519, которое возбуждено на сотрудников, а не на осужденных. Я уточнил, что вовсе не ошибся, что действительно не вижу виновных по делу № 1533, а от участия в деле № 1519 (на сотрудников) не отказываюсь и настаиваю на своих прежних показаниях. Меня сразу «наградили» за мою несговорчивость несколькими ударами по лицу, и В.С.Половнев сказал, что я должен исправить в заявлении номер уголовного дела, и внизу написать «исправленному верить» и расписаться. Я напомнил, что в заявлении четко и ясно написано, что исправлений и помарок не имеется.

– *«Тогда пиши новое!».*

– *«Даже и не мечтай об этом»* – был мой ответ на такое предложение.

После чего опять начались пытки и заявления о том, что ко мне заведут других лиц, которые мне скажут написать и я, не раздумывая, напишу...

С целью прекратить пытки и избиения, вечером, когда мне представилось возможным вернуться в камеру, я вытащил из доски пола гвоздь и вбил его себе в правый бок в области живота. Медицинская помощь мне не оказывалась. Врач от меня требовал, под предлогом осмотра, принимать позы, которые бы мне доставляли резкую боль в области ранения.

Поиздевавшись надо мной пару дней, меня отправили в больницу ИК-2 г. Брянска, потому, что на днях должна была приехать адвокат Е.Л. Липцер. В больнице мне помощь не оказывалась. На меня опять попытались оказать давление. Сперва, оперативники, затем завели какую-то шарашкину контору в наколах с комсомольским уклоном. Видя, что все начинается сначала, я достал лезвие, разрезал живот в области, где находится гвоздь, вытащил его, отдал «ребятам», пусть оставят себе на память о днях, когда служили родине...

С уважением к Вам Виталик».

Завершив обзор пыточной практики в тюремно-лагерной системе, обратимся к милицейским пыткам на стадии следствия.

Движение «За права человека», Фонд «Общественный вердикт» и другие правозащитные организации неоднократно выступали в защиту граждан, обвинение против которых построено на «чистосердечных признаниях» (например, именно так, не мудрствуя лукаво, велели пермские дознаватели писать осужденному за якобы совершенное убийство Федосееву Виталию Серафимовичу, который в момент преступления отвозил дочку в детский сад).

Самый последний пример пыток - ситуация с Умахановым Асланом Муцаевичем, ставшей известной благодаря активности правозащитника Владимира Шаклеина (Уральский межрегиональный центр по правам человека, ООД «За права человека». Этой ситуацией сейчас занимается Верховный Комиссар по правам человека Совета Европы.

Умаханов, чеченец по национальности, с 29 марта 2006 г. находится в СИЗО-1 гор. Екатеринбурга под стражей по ст. ч.2 ст.126 УК РФ (похищение человека). Само дело заведено еще в феврале 2005 г. и адвокат Аслана Умаханова В.П. Синанов утверждает, что у правоохранительных органов не было оснований для преследования обвиняемого. С целью добиться нужных следствию показаний, представители УБОП «вывозили» Умаханова из СИЗО 12 апреля 2006 г. и учинили изощренные пытки («удушением с помощью пакетов», избиениям, применением «электротока», угрозами дальнейших пыток, в том числе членов семьи и оскорблениями по национальным признакам). После вынужденных «признаний под диктовку о явке с повинной», Аслан Умаханов затем в СИЗО засвидетельствовал травмы после пыток и вместе со своим адвокатом В.Синановым 2 месяца требуют от работников прокуратуры (соответствующего районного и областного прокуроров, зам. генерального прокурора по УрФО), других представителей властных органов, восстановления законности в связи с преступными деяниями представителей правоохранительных органов, однако официальных ответов о принятых мерах по восстановлению законности - не получено. 20 июня, когда Умаханова привели в суд, его сестра - Ибакова Сажан Муцаевна увидела, что он еле двигается, его правая нога почти обездвижена. Беременной супруге Умаханова – Залине, матери 3—летнего ребёнка идут непрерывные угрозы по телефону с требованием признанием Асланом «своей вины».

В связи с чрезвычайными обстоятельствами нарушения прав Аслана Умаханова (пытки обвиняемого с целью получения «нужных» для следственных органов «признаний»), данное дело (по свидетельствам

адвоката Синанова В.П. и родственников А. Умаханова) - принято к производству Верховным Комиссаром Совета Европы по правам человека Томасом Хаммарбергом 9 июня 2006 г.

2. КАВКАЗСКОЕ ГЕСТАПО

О пытках в отделениях внутренних дел, фильтрационных пунктах и местах тайных допросов спецслужб (федеральных и кадыровских) на территории Чеченской Республики сообщалось очень много. Несмотря на многократные официальные уверения со стороны федеральных властей и алхановско-кадыровской администрации о нормализации ситуации в Чечне, эта тема неоднократно поднималась в докладах российских и международных правозащитных организаций, фигурировала в резолюциях и заявлениях ПАСЕ и ОБСЕ. На весь мир прозвучало разоблачение, сделанное Правозащитным центром «Мемориал», сотрудники которого осмотрели и провели видео-и фотосъемку пустующих зданий в столице Чечни, в которых до 27 мая размещалась Оперативная группа МВД РФ Октябрьского района г. Грозного, а ранее Временный отдел внутренних дел (ВОВД) этого района. По данным правозащитников, в подвалах этих зданий содержали задержанных и арестованных, пытали и убивали людей. В ночь на 31 мая 2006 г. неизвестными в подвалах здания, где располагались камеры для задержанных и арестованных, были уничтожены сделанные на стенах надписи, а в настоящий момент это здание уже снесено. Бригада строителей для его сноса была направлена туда уже на следующий день после того, как оперативная группа МВД РФ покинула место дислокации. Все следы пыточных застенков уничтожены, а власти опровергают само их существование. По фактам исчезновения задержанных и пыток в Октябрьском ВОВД прокуратура ЧР возбудила несколько уголовных дел, но лишь одно из них было частично расследовано», – рассказывает в сообщении ПЦ «Мемориал».

Пыточная практика дагестанской милиции, включая жесточайшие истязания и гомосексуальные изнасилования подозреваемых, в т.ч. подростков, достаточно известна. Последним примером насилия со стороны дагестанской милиции стал жестокий разгон мирного митинга у села Мискинджа (Докузпаринский район) 25 апреля 2006 г. В результате один человек погиб от огнестрельного ранения спецсредством в сердце, еще трое были ранены, а десятки – были задержаны, в течение нескольких дней содержались в Докузпаринском РОВД, где подвергались жестокому избиению и запугиваниям.

От десятков жителей Кабардино-Балкарии поступали заявления с перечислением пыток и изощренных издевательств, которым подвергались лица, которых считали «слишком активными» мусульмане и их родственники. Вина за эти пытки лежит на местной милиции во главе с республиканским министром внутренних дел генералом Хачимом Шогеновым, который сейчас переведен со своего поста на должность советника президента КБР. Эти истязания верующих называются в качестве одной из основных причин трагических событий 13 октября 2005 г. в Нальчике.

ВЫВОДЫ

1. Пытки (в самом широком понимании этого термина) стали привычным инструментом правоохранительных органов. Есть основания полагать, что их применение существенно расширилось в качестве компенсации формального расширения гражданских прав и требований обеспечения европейских гуманитарных стандартов, в первую очередь, улучшению правовых гарантий подозреваемым, подсудимым и заключенным. С этой точки зрения, «выбивание» необходимых признаний на первой стадии дознания и создания целой системы пыточных уголовно-исполнительных учреждений (известных, как «*пресс-зоны*»), формирование так называемых «секций дисциплины и порядка», ставших, по сути, нелегальными вспомогательными отрядами лагерной охраны – служит восстановлению временно утраченного силовыми структурами тотального контроля над личностью. Таким образом, система ФСИН («зона») стала лабораторной моделью торжества тоталитарной реакции, некоей тенью, отбрасываемой деспотическим будущем России.

2. Главными причинами распространения пыток стали:

а) полная закрытость учреждений ФСИН РФ и иных правоохранительных ведомств, а также вооруженных сил от гражданского контроля;

б) откровенная слабость выполнения прокуратурой надзорных функций; либо, очень частое преступное попустительство со стороны прокуратуры. Это объясняется корпоративной солидарностью прокурорских работников и возможностью пользоваться «признательными показаниями» - как результат пыток;

в) информационная война, которую ведут пиар-структуры силовых ведомств с правозащитниками, информационная блокада любого непредвзятого диалога о ситуации в пенитенциарной системе.

3. Личную ответственность за массовое и грубое нарушение прав человека правоохранительными структурами несут министр внутренних дел РФ Р.Нургалиев и начальник Федеральной службы исполнения наказания РФ Ю.Калинин. Они должны быть отправлены в отставку.

4. Необходимо как можно скорее принять закон о гражданском контроле, а также принять ряд подзаконных актов, обеспечивающих реальные возможности для визитирования со стороны представителей правозащитных организаций, запрет дискриминационной практики, при которой администрацией учреждений ФСИН осуществляется цензурирование результатов мониторинга соблюдения прав заключенных, полученных во время визитирования.

5. Правозащитными организациями должно быть оказано содействие в создании системы независимого общественного контроля (в т.ч. с активным привлечением родственников заключенных и депутатов местного самоуправления и региональной законодательной власти) за ситуаций в конкретных местах лишения свободы.

6. Должно быть развёрнуто широкое общественное общенациональное движение против пыток.

7. Административная независимость ФСИН РФ должна быть отменена, а ведомство возвращено в состав Минюста РФ. Вне личности нового министра (хорошо нам знакомого В. Устинова), это структурное изменение важно для будущего. Должна быть обеспечена полная независимость оперативных частей в учреждениях уголовно-исполнительной системы от других правоохранительных органов.

8. Функции следствия и надзора, сосредоточенные сейчас в рамках прокуратуры, должны быть ведомственно полностью разделены, чтобы лишить следователей прокуратуры искушения пользоваться признаниями, полученными пыточным путём.

9. Признательные показания, полученные на стадии дознания, не должны учитываться судом.

10. Должны быть распущены так называемые «секции дисциплина и порядок» (СДП) и установлен абсолютный запрет на создание самостоятельных структур из заключенных, на которые в том или ином виде возлагались бы оперативно-контрольные функции.

11. Должны быть опубликованы все подзаконные акты правоохранительных органов, касающиеся взаимоотношений с гражданами. В первую очередь должен быть снят гриф с любых документов, затрагивающих права и свободы.

12. Должен быть введен абсолютный запрет на применение ОМОНа и частей внутренних войск для пресечения мирных гражданских акций, даже носящих несанкционированный характер.

**Общероссийское общественное движение
“За права человека”**

125009, Москва, М. Кисловский переулок,
д.7, корп.1, пом. 21,
тел. (495)291-62-33, т/ф (495)202-22-24,
e-mail: news@zaprava.ru; <http://zaprava.ru/>

Приложение.

Список пыточных мест заключения («пресс-зон»), составленный по обращениям заключенных и их родственников.

Владимирская область	
1. ИК-6	Ковровский р-н, пос. Мелехово;
2. ИК-7	Ковровский р-н, пос. Пакино; (Федулово)
Волгоградская область	
1. ИК-5	Волгоградская обл., г. Камышин, п. Южный городок
2. ЛИУ-23+ ПФРТ	Урюпинск, «Гора Восточная»
Липецкая область	
1. ЮУ 323/Т-1	Липецк, р-н Цемзавода;
2. ИК-2	Липецк, ул. Орловская, 30;
3. ИК-25	Фролово
Республика Мордовия	
1. ИК-12	Зубово-Полянский р-н, пос. Молочница
2. ЛИУ-19	Зубово-Полянский р-н, пос. Явас;
3. ИК-10 (ЕПКТ)	Зубово-Полянский р-н, пос. Ударный,
4. ИК-4	Зубово-Полянский р-н, пос. Ударный
5. ИК-17	Зубово-Полянский р-н, пос. Озерный

Нижегородская область	
1. УЗ 62/1	Семеновский р-н, пос. Сухобезводное;
2. УЗ 62/7; ПФРСИ	Варнавинский р-н, пос. Восход;
3. УЗ 62/14; ПФРСИ	Семеновский р-н, пос. Сухобезводное
Пермская область	
1. ИК /2 "Белый лебедь"	Соликамск, ул. Карналлитовая, 98
2. (ВК-240-10) «красный лебедь»	Чердынский район.пос.НЫРОБ
Орловская область	
ИК-2 (ЕПКТ)	г. Ливны, ул. Елецкая, 2;
Саратовская область	
1. ИК-3 ЛИУ	г. Балашов, Саратовское ш., 1;
2. ИК 2	г. Энгельс; тел. 3-3501, 79-1319
3. Тюрьма №1	г. Балашов, ул.Уральская, 17
Республика Удмуртия	
ИК-1	Завьяловский р-н, пос. Ягул;
Самарская область	
ИК-29 (ЕПКТ);	г. Тольятти;
Ульяновская область	
тюрьма	Димитровград, ул. Калугина, 66;
Свердловская область	
1. ИК-2	Екатеринбург, ул. Малышева, 2б
2. ИК 14 ОИУ-5	Гагаринский район.Пос.Пуксинка
Челябинская область	
1. Тюрьма №1	Верхнеуральск;
2. ИК-1	Копейск, пос. Октябрьский
3. ИК-2	Челябинск, ул. Монтажников, 7а;
4. ИК-25	Златоустовский р-н, пос. Балашиха;
Алтайский край	
ЛИУ-1	Барнаул, 9-й Заводской пр., 44
Кемеровская область	
1. ИК-4	Таштагольский р-н, пос. Шерегеш, ул. Весенняя, 9;
2. ИК-16 ЛИУ	Новокузнецк, пос. Абагур-Лесной, ул. Левашова, 10;
Ленинградская область	
1. УС 20/7	пос. Яблоневка;
2. УС 20/4	Тосненский р-н, пос. Форносово, ул. Дальняя, 3;
Мурманская область	
ИК-18	Кольский р-н, пос. Мурмаши, ул. Зеленая, 14а;
Республика Карелия	
1. ЛИУ -4	Сегежский р-н, пос. Надвоицы;
2. ЛИУ-2	Медвежьегорск, ул. Заводская, 7;
3. ИК-1	Сегежский р-н, пос. Надвоицы, ул. Карельская, 18
Вологодская область	
1. Т-1 тюрьма	Вологда, ул. Чернышевского
2. ИК-5 "Вологодский пятак"	Белозерский р-н, о. Огненный, пос. Новоозеро, п/о К. Либкнехта